

НА ЛИНИИ ФРОНТА
ПРАВДА О ВОЙНЕ

Юрий Владимиров

ВОЙНА
СОЛДАТА-ЗЕНИТЧИКА

ОТ СТУДЕНЧЕСКОЙ СКАМЬИ
ДО ХАРЬКОВСКОГО КОТЛА

1941—1942

Юрий Владимирович Владимиров Война солдата-зенитчика: от студенческой скамьи до Харьковского котла. 1941–1942

**Серия «На линии
фронта. Правда о войне»**

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=606135

*Война солдата-зенитчика: от студенческой скамьи до Харьковского котла. 1941–1942: Центрполиграф; Москва; 2010
ISBN 978-5-9524-4843-8*

Аннотация

Война зенитчика Юрия Владимирова оказалась короткой. Вместе с 250 тысячами красноармейцев и командиров он попал в плен под Харьковом в мае 1942 года. Только единицам из них удалось выжить и рассказать о подробностях трагедии. Книга Ю. Владимирова представляет собой точный и захватывающий рассказ о последних предвоенных годах, подготовке в учебной части, трудовом фронте. Поразительная наблюдательность автора позволяет подробно представить быт и дух того времени. Мы привыкли читать о войне героической, многодневной и

многоотрудной. А автор из тех, кто в первые дни войны не доехал до фронта и погиб в разбомбленных эшелонах, из наскоро обученных красноармейцев, брошенных командованием и попавших в плен или убитых в первом бою. Именно на них приходилась львиная доля потерь Красной армии в начальный период войны.

Содержание

Немного о себе	5
Часть первая	8
Глава 1	8
Глава 2	17
Глава 3	29
Глава 4	44
Глава 5	52
Конец ознакомительного фрагмента.	56

**Юрий Владимирович
Владимиров
Война солдата-зенитчика:
от студенческой скамьи
до Харьковского
котла. 1941–1942**

*Посвящается моим братьям – фронтовикам
Геннадью и Виталию и великому труженику-
пчеловоду Анатолию Владимировым*

Немного о себе

Я, Владимиров Юрий Владимирович, по крещению православный, но по мировоззрению атеист. Родился 18 июля 1921 года. Прожил более 60 лет в Москве. По профессии инженер-металлург. В 1949 году окончил Московский институт стали им. И. В. Сталина по специальности «Пластическая и термическая обработка металлов и металловедение» (с углубленным знанием технологических процессов и оборудования для прокатки и волочения). Кандидат техни-

ческих наук. Проработал по специальности много лет на заводах и в научно-исследовательских, проектно-конструкторских и технологических институтах. Кроме того, очень много занимался письменными переводами и написанием рефератов с научно-технических статей и других публикаций на немецком и английском языках, чтобы что-то дополнительно заработать на жизнь и усовершенствовать свои знания. Один и вместе с соавторами написал и опубликовал около 200 научно-технических статей, главным образом по металлургической и машиностроительной тематике, и даже выпустил по ним несколько книг.

До ухода на пенсию в 1996 году (с должности ведущего научного сотрудника) трудился свыше 32 лет в Центральном научно-исследовательском институте информации и технико-экономических исследований черной металлургии (сокращенно – «Черметинформация»).

Имею нормальную и порядочную семью. Был всегда законопослушным гражданином. Не состоял ни в каких политических партиях.

В юности участвовал рядовым солдатом-добровольцем в Великой Отечественной войне, пробыл почти три года в германском плену, после чего подвергался свыше года фильтрации (проверке), в основном работая принудительно в одной из угольных шахт Донбасса. Все эти годы были исключительно опасными для моей жизни и в то же время очень необычными и интересными. Поэтому, хотя многое уже и выветри-

лось из моей памяти, я решил рассказать о них своим потомкам и другим лицам.

Часть первая

Предвоенные годы

Глава 1

Мои родители Владимир Николаевич и Пелагея Матвеевна Наперсткины по национальности чуваша. Они отлично владели русским языком, но в семье разговаривали только на родном, чувашском языке. Зная, что их детям в будущем придется жить в основном среди русских, оба родителя очень хотели, чтобы те как можно быстрее и лучше научились говорить по-русски. Но для этого надо было, чтобы дети с самого раннего возраста постоянно слышали русскую речь, а особенно – в кругу семьи. Однако разговаривать дома между собой по-русски родители не могли и не хотели из-за того, что совсем не знала русского языка бабушка Елена – мать отца, которая была хозяйкой в семье и няней своих внуков. Вне дома и среди ровесников дети также слышали и употребляли только чувашскую речь, что еще сильнее затрудняло освоение ими русского языка.

Оба родителя – одногодки. Родились в 1898 году, по профессии были простыми, но очень квалифицированными сельскими учителями, не имевшими высшего и даже сред-

него (по современным меркам) образования. Родом они из одной и той же деревни, где почти все жители – чувашаи.

Деревня наша, Старо-Котьяково, состоявшая в год моего рождения примерно из 140 дворов, имела вместе с селом Батырево один общий сельский совет, здание которого было в том же селе.

В июне 1932 года я получил в своей деревне свидетельство об окончании Старо-Котьяковской четырехгодичной начальной школы, и мой отец решил направить меня учиться дальше в открывшуюся в 1931 году в Батыреве школу колхозной молодежи (ШКМ).

Ему давно не нравилось, что я и другие его дети будут, как и он, носить фамилию Наперсткин, которая казалась слишком несолидной и унижающей достоинство человека, так как наперсток – это очень маленький и на первый взгляд «никудашный» предмет. Кроме того, он боялся, что детей, как и его самого в детстве, сверстники будут дразнить наперстком. Поэтому непосредственно перед выпиской мне свидетельства об окончании местной начальной школы отец сходил в Батыревский сельский совет, где хранились метрические записи на всех жителей Батырева и нашей деревни, и там переписал для всех детей фамилии по своему имени – на Владимировых, получив соответствующие метрические справки. Так я и мои три брата и сестра (я был из них самым старшим по возрасту, и поэтому они звали меня не по имени, а дядей) стали Владимировыми и с этими фамилиями

пошли в дальнейшую жизнь.

Имея новую фамилию, в сентябре 1932 года я стал учеником первого (соответствующего пятому в средней школе) класса Батыревской ШКМ, которую в 1934 году преобразовали в Батыревскую среднюю школу им. С. М. Кирова. Эту школу я окончил вторым выпуском в июне 1938 года. Она существует и в настоящее время.

Как и многие чувашские деревенские и сельские дети, я рос в далеко не нежных условиях и далеко не «чистюлей». Это дало мне возможность в последовавших суровых годах войны быть человеком достаточно хорошо выносливым и неприхотливым во многих отношениях.

Питались мы в семье, не всегда соблюдая строго установленный режим (бывало, и не ели целый день). Пища была в основном грубой, из муки и картошки, хотя много употребляли свежее и кислое (в виде варенца – ряженки) молоко, яблоки и черемуху из своего сада, ели летом прямо с грядок лук, чеснок, морковь, репу и огурцы (как свежие, так и соленые), причем последние очень часто покупали мешками на базаре. Там же приобретали чернику, малину и вишню. Помидоры у нас появились лишь в середине 30-х годов.

Когда ели упавшие в саду на землю яблоки и висевшие на ветвях черемуху и рябину, а с грядок – разные овощи, мы – дети – их почти никогда не мыли и во многих случаях ограничивались лишь тем, что смахивали с них приставшую землю об траву или подол рубашки и штаны.

Летом еще ели съедобные луговые и полевые травы, не менее семи видов, которые я и сейчас хорошо различаю и при случаях употребляю.

В летнее время в нашей и других семьях основной обеденной или вечерней пищей было только первое блюдо – мучной суп с клецками – салма или с мясом – шюрбе, а также щи, которые варили в большом чугунном котле, подвешенном над костром, устраиваемом в поварне – летнем дворовом помещении, не имеющем чердака и плоского потолка. В том же помещении, которое, конечно, кишело мухами, принимали за столом приготовленную еду, налитую в одну общую для всей семьи большую эмалированную или даже деревянную миску, куда каждый погружал свою деревянную ложку.

После принятия пищи ложки, общую миску или тарелки мыли по возможности горячей водой, но не очень тщательно. Руки перед едой по существу никогда хорошо (или даже вообще) не мыли.

Пили много домашнего пива. Делали и хлебный квас, который пили или употребляли вместе с луком и хлебом в жаркое время работы в поле. Пили и обрат, оставшийся при приготовлении из сметаны масла. Главным образом пили сырую воду из колодца.

Простудные заболевания лечили в основном дома – травами и пребыванием в бане с парилкой, а нередко, когда были маленькими, посещением вместе с мамой соседки, слепой старой бабки Акулины, которая, взяв в руки и крутя над

головой больного ковш с водой и зажигая над ним затвердевший деревянный (наверное, березовый) гриб, «прогоняла» болезнь какими-то чувашскими словами. В этом случае бабка просила языческих чувашских богов и духов помочь больному, а чертей – оставить его в покое. Действительно, после такого «лечения», как ни странно, больной вскоре выздоравливал.

Основное свободное от учебы или от работы по дому время мы проводили на свежем воздухе. Летом пропадали из дома часто целый день, играя в разные подвижные игры (в прятки, лапту, чувашское агабюри – бросание маленькой деревяшки при помощи биты и пр.) на улице, на лугу, в поле, а также во дворах друзей. Бывали особенно много у речки Ыхра-Сирми или реки Була, куда последняя впадает и где иногда ловили рыбу ситом для просеивания муки. И там и тут много купались, но чаще всего – в перегороженной большой плотиной с водяной мельницей реке Була. Здесь же купали колхозных лошадей. Мы катались на них верхом без седла и поэтому при скачках ранили до большого кровотечения об выступающий хребет лошади свой задок между двумя ягодицами, и рана долго не заживала.

Разумеется, купались мы совсем голыми, так как в то время даже не знали, что существуют трусы и тем более – плавки. Я с семи лет научился плавать сам и хорошо нырял. Бывали случаи, когда мы начинали купаться уже в середине апреля в больших лужах воды, образовавшихся от таяния сне-

га.

С конца текущего и до начала следующего учебного годов (практически с конца апреля и до начала октября) вне стен школы я, как и все дети в сельской местности, ходил почти всегда босиком, наживая на ногах из-за грязи и влаги мелкие трещины – цыпки. Для того чтобы они не возникали, требовалось регулярно мыть ноги, особенно перед сном, но мы делали это далеко не всегда. Часто ложились спать с грязными или невымытыми ногами и руками, так как родителям, всегда занятым в течение дня изнурительной работой, хорошо проследить за детьми было некогда.

В деревянных досках кроватей водились клопы, которых время от времени мы уничтожали, выбрасывая эти доски во двор и сильно простукивая их по всей длине палкой, в результате чего спрятавшиеся в их щелях насекомые выпадали на землю и становились лакомой пищей для прибежавших кур. В нашем втором – маленьком – доме, где мы в целях экономии топлива проживали в основном зимой, бывали и тараканы, от которых избавлялись очень простым способом. Для этого при сильно морозной погоде переходили жить на несколько суток в первый – большой – дом, а маленький, открыв у него настежь все окна и дверь, крепко остужали и, таким образом, вымораживали этих насекомых, после чего их трупки большими кучами выметали из избы на корм тем же курам.

Кстати, в том же маленьком доме вместе с людьми жили

у нас зимой и ягнята с теленком, к которому в первое время несколько раз заводили корову-мать для сосочного кормления, пока он сам не начинал питаться молоком из миски. А овец запускали к ягням почти до начала апреля. Разумеется, от присутствия животных в доме пол в нем бывал далеко не чист и не пахло в избе озоном. Детям приходилось постоянно убирать пол и следить за тем, чтобы животные совсем его не загадили и не натворили в избе другие беды. А это нередко случалось, когда дома оставались до прихода мамы с работы лишь маленькие брат и сестренка, которые еще не ходили в школу по возрасту.

Поскольку мой отец содержал на огороде перед садом пасеку, в которой число ульев с пчелами изменялось в пределах от семи до двадцати, приходилось ему много на этой пасеке работать, а нам – детям – помогать при этом отцу. Нас, естественно, пчелы часто и много жалили в руки, глаза и другие места тела, что, несомненно, наряду с регулярным потреблением меда в пищу оказало благоприятное воздействие на наше здоровье. То же самое можно сказать о бане, где мы регулярно мылись по субботам, таская в нее ведрами из колодца и разогревая дровами воду, используя для мытья щелок из золы и мыло. В бане все всегда крепко парились на полке двумя березовыми вениками. Детей парил отец, положив их на полк рядом сразу двух. Женщины приходили мыться в баню после мужчин.

В маленьком возрасте я, как и все мальчишки вообще, пы-

тался играть со сверстниками в войну и сильно завидовал тем немногим из них, кто имел купленный им кем-то и где-то игрушечный так называемый пугач типа пистолета и с грохотом стрелял из него пробкой или другой «пулей». Однако мои родители такое «оружие» мне не покупали и игры со стрельбой не поощряли. Но вскоре для меня эта проблема решилась по-другому.

Дело в том, что 28 августа 1918 года в нашей местности произошел кровавый бой между белыми и красными отрядами. При этом пулеметчик белых производил стрельбу даже с крыши ветряной мельницы соседней к нам деревни Елом (Мало-Батырево). Красным тогда пришлось поспешно отступать через луговую часть поля сзади нашей деревни, перебегая через небольшую речку Ыхра-Сирми и поднимаясь дальше по крутому склону. А белые стреляли им вслед. Поэтому на том месте осталось множество винтовочных пуль. Жители деревни, особенно дети, позже находили эти пули, а мой троюродный брат Санюк Наперсткин, бывший на три года меня старше, вытапливал из них на огне свинец, из которого потом отливал сферические пуговицы для овчинных шуб. Опорожненные конические пули Санюк отдавал малышам играть или использовал для других целей, в частности для изготовления игрушечных хлопушек.

Хлопушка представляла собой деревянный чурбачок, в один из торцов которого загнана полностью острой частью вперед опорожненная от свинца коническая винтовочная

пуля, причем задний конец ее открыт. Так вот, одну такую хлопушку, похожую на пистолет, Санюк сделал и для меня. Пустую пулю в хлопушке заполняли серой от спичечных головок и после этого направляли «пистолет» на цель. Затем резким движением указательного пальца правой руки погружали в пулю хлопушки острый конец изогнутого посередине на 90 градусов большого гвоздя, отчего сера внутри пули внезапно возгоралась и издавала страшный грохот, образуя много дыма.

Аналогичную же «стрельбу» с большим шумовым эффектом и с дымом мы – дети – производили еще из сучка сухого бревна на деревянном срубе дома или другой постройки. В этом случае делали в сучке гвоздем дырку, также заполняли ее серой от спичечных головок и потом, встав сбоку, забивали тот же самый гвоздь обратно в заполненную дырку молотком, кирпичом или другим твердым предметом.

Глава 2

С самого раннего возраста я, как и, наверное, все дети, очень любил смотреть кинофильмы, и особенно – по военной тематике. Их тогда, конечно, немymi показывали жителям нашей деревни вечерами в помещении начальной школы, когда приезжала из районного центра Батырево передвижная киноустановка с киномехаником, которым работал наш сосед по двору и родственник дядя Костя Задонов. Кино состояло из шести-семи частей в виде отдельных рулонов ленты, заключенных в металлические коробки. Электроток для него получали вращением вручную ротора динамо-машины, закрепленной на стуле рядом с киноаппаратом, вращаемым Костей. При этом для каждой части кино ручку динамо-машины вращали по одному зрители, не имевшие денег для приобретения билета на просмотр картины и предварительно отдавшие киномеханику в залог свой головной убор.

Наиболее интересным для детей было кино «Красные дьяволята» о борьбе красных войск с «глупыми» и «жестокими» махновцами, которое я ходил смотреть даже раза три. В 1936 году наши люди впервые в жизни увидели в Батыреве – в зале только что выстроенного нового деревянного двухэтажного здания райкома ВКП(б) – звуковой кинофильм, который был документальным и назывался вроде (точно не

помню) «Маневры войск Киевского военного округа», где показывали крупные военные учения с действиями «красных» и «синих» под командованием соответственно тогдашних комкоров Е. И. Ковтюха (вскоре был репрессирован) и И. Р. Апанасенко (погиб в 1943 году на войне при взятии Орла). Далее последовали звуковые фильмы «Путевка в жизнь» и другие, а потом и знаменитый военный фильм «Чапаев», оставивший у всех, и особенно детей, потрясающее впечатление. Первые звуковые фильмы, разумеется, я посмотрел в те годы, когда учился в старших классах средней школы у себя на родине.

В школе я учился успешно, получая по всем предметам в основном отличные и хорошие оценки. До восьмого класса у нас в школах преподавание вели главным образом на чувашском языке, одновременно усиливая освоение учащимися русского языка. С восьмого класса все обучение пошло уже почти только по-русски: учебники и рассказы учителя были на русском языке, и отвечать уроки следовало лишь на нем.

С девятого класса у нас прекратили изучение чувашского языка и чувашской литературы, а с восьмого начали обучать немецкому языку. Хотя по этому языку у меня всегда были отличные оценки, все же мои фактические успехи в нем были незначительными: я научился читать и писать по-немецки, запомнив лишь не более сотни немецких слов и принципы их склонения и спряжения. При этом я не всегда мог пра-

вильно произносить многие слова и мне было очень трудно определить, к какому роду – мужскому, женскому или среднему – относится то или иное немецкое имя существительное. Однако даже за такое очень малое в то время освоение мною немецкого языка я благодарен своей судьбе – впоследствии в годы войны только благодаря данному обстоятельству остался в живых, оказавшись в германском плену. (Позже, в течение дальнейшей жизни, я научился разговаривать и писать по-немецки почти в совершенстве.)

Моим тогдашним «успехам» в немецком языке значительно способствовало то, что к началу учебного года в восьмом классе отец купил мне карманный немецко-русский словарь примерно на 10 тысяч слов, который я иногда просматривал, а позже, окончив среднюю школу, захватил с собой в Москву, думая, что придется изучать этот язык дальше, в высшей школе. Но этого не случилось – пришлось учить английский язык. Однако этот словарь я сохранил и решительно взял с собой, уходя на войну. При всех условиях он находился у меня вплоть до конца августа 1942 года и тогда мне очень пригодился. 15 апреля 1938 года в Батыреве я купил еще и другой – более объемистый (на 50 тысяч слов) немецко-русский словарь, на титульном листе которого сразу же написал «Собственность Владимировых» и которым пользуюсь даже в настоящее время...

...Кстати, здесь же скажу, что, к сожалению, все немецкие, английские и другие иностранные слова я запомнил до

сих пор в основном только зрительно, то есть в том виде, как они напечатаны или написаны и стоят перед глазами. . .

Еще будучи учеником деревенской начальной школы, я стал пионером (но никогда мне не приходилось отдыхать в пионерском лагере), а 5 сентября 1937 года в Батыревской средней школе – членом комсомола. При приеме в комсомол, между прочим, наши «идейные» руководители школы задали мне вопрос, что я знаю о недавних событиях, происшедших в Китае. Я ответил, что Япония устроила в Китае провокацию у железнодорожной станции Люкоуцзяу и начинает теперь агрессивную войну, чтобы захватить у китайцев Маньчжурию. Далее стал рассказывать другие подробности. Такой мой обстоятельный ответ поразил моих оппонентов, так как они вовсе не знали про упомянутую станцию и другие события, не читая столько газет и не слушая радио дома, как я.

Вообще в годы своей учебы в средней школе я, помимо регулярного чтения книг, газет и журналов дома, прочитал очень много художественной, исторической и даже политической литературы из школьной и районной библиотек, покупал, как и отец, много книг для своей семьи и себя. Кроме того, с лета 1936 года постоянно слушал радио на примитивном по нынешним временам ламповом приемнике, который тогда практически первым в деревне купил (с рук) отец. Приемник был снабжен черным картонным коническим репродуктором – громкоговорителем, подвешенным на стену

дома, и работал от мокрых анодных и сухих катодных батарей. Радиосигналы приемник получал от огромной наружной проволочной антенны, установленной на двух очень высоких деревянных столбах над крышами дома и другого дворового помещения. Ее длина была около 12 метров.

Будучи пионером, я в свободное от учебы время занимался в Батыреве около пары лет на Детской технической станции (ДТС) вместе с друзьями. Мы мастерили под руководством мастера В. Минина авиамodelи в виде самолета, нервюры и края крыла которого изготавливали из вырезков бамбука, а фюзеляж – из длинной прямоугольного сечения деревянной палочки. На один конец фюзеляжа прикрепляли узел с деревянным же пропеллером, который приходил во вращение от предварительно закрученных в противоположную сторону пальцем от того же пропеллера нитей резины, подвешенных снизу к обоим концам палочки. Дополнительно крыло и задние части самолета обклеивали при помощи казеинового клея тонкой белой бумагой типа кальки. Мои авиамodelи получались не очень хорошими, но я был в восторге, когда одна из них летом на массовом митинге жителей Батырева по случаю юбилея Чувашской автономной республики пролетела над народом метров пятьдесят.

Мое вступление в комсомол состоялось в то время, когда в нашей стране везде стали искать и арестовывать «врагов народа». У нас в 1937 году и в начале 1938 года арестовали несколько очень хороших учителей и исключили из шко-

лы одного ученика – отличника Арсения Иванова из десятого класса. Но, к счастью, не тронули моего отца, которого, наоборот, взяли работать инспектором школ Батыревского районного отдела народного образования. Отец, конечно, сильно боялся, что арестуют и его, поскольку он, хотя и очень недолго, служил в Белой армии, а в начале 1928 года был исключен из ВКП(б) с формулировкой «за хозяйственное обрастание» (построил большой новый дом, завел вторую лошадь-производителя, купил тарантас и проч.) и к весне 1930 года, после выхода в газетах статьи И. В. Сталина «Головокружение от успехов», «развалил» в своей деревне большой колхоз, председателем которого был выбран. Я думаю, однако, его позже все равно бы арестовали, но «спасло» лишь то, что жить ему оставалось еще только около двух лет.

В июне 1938 года в возрасте 16 лет и 11 месяцев я окончил вторым выпуском свою Батыревскую среднюю школу им. С. М. Кирова, получив аттестат, соответствующий нынешней серебряной медали (в те годы медали в советских средних школах еще не были предусмотрены) и дающий право его владельцу поступать во все высшие учебные заведения (вузы), включая даже отдельные военные академии (до 1938 года), без вступительных экзаменов.

Каким я к лету 1938 года был? Внешне выглядел все еще лишь взрослым мальчиком – отроком, так как рос очень медленно (во всех классах школы был самым маленьким из всех ребят). Мой рост составлял около 150 см, вес – примерно

48 кг.

Однако в то время для своей комплекции я был хорошо физически развитым и выносливым. Лицо мое было более или менее симпатичным и серьезным, но нельзя сказать красивым – несколько портил его какой-то особый курносый нос. Разумеется, я был шатен и по наружности, как и сейчас, почти не отличался от славянина. Глаза были и остались карими.

Я, как и отец, не курил и еще только успел опробовать фактически единственно доступный тогда для меня крепкий спиртной напиток – самогон. Опробовал слабые вина кагор и портвейн.

Внутренне я, конечно, тоже вполне соответствовал своему отроческому внешнему виду: был очень наивен, легкомыслен и во многих чисто житейских вопросах даже глуп, не имел опыта взаимоотношений со взрослыми людьми. Обладал очень цепкой зрительной и неплохой умственной памятью, был хорошо начитан и сведущ в текущих политических событиях, так как регулярно читал газеты и журналы и иногда слушал радио. С точки зрения взрослых мой образ мышления был во многом еще детским и типично чувашско-деревенским, поскольку мне совершенно не были знакомы городские условия жизни (не знал даже, что в жилых помещениях есть туалеты со сливными бачками, не приходилось видеть водяной душ и пользоваться им).

Мой разговор на русском языке хотя и был правильным,

но своим необычным мягким акцентом сразу же выдавал, что я не русский. Со взрослыми людьми и с незнакомыми сверстниками я был прост и скромен, ко всем был очень доверчив, бесхитростен, мог дать легко обмануть себя.

Сильно не хотел унижаться, был самолюбивым и гордым. Одновременно был робким, несмелым, застенчивым и очень стеснительным, особенно перед симпатичными девушками и молодыми женщинами, с которыми не мог даже разговаривать, не находя нужных слов, а также стоять и сидеть с ними рядом по тем же причинам. Хотя при этом сильно хотел их и порою сразу влюблялся в них (почти до 25 лет был невинным мужчиной и мог погибнуть на войне, так и не познав женщину). В то же время я не знал, что надо бывать к женщинам очень внимательным, и даже ненавидел многих из них за присущие только им известные особенности и поведение. Не был обучен танцевать, в основном вследствие своей несмелости к женщинам, и из-за этого переживал всю жизнь. Практически не имел способностей к музыке и не обладал для нее соответствующим слухом. Кроме того, почему-то стеснялся, как и сейчас, петь соло при людях и даже в составе хора. Почти не знал и не знаю до сих пор слова и мотивы многих песен родного чувашского народа (да и русского тоже).

Очень страдал (и страдаю до сих пор) от возникающего в себе большого волнения перед предстоящими делами (особенно – важными) и решением каких-либо вопросов и про-

блем (в частности, перед экзаменами, визитами к высокому начальству с какими-либо просьбами и другими).

Самым ужасным было и осталось то, что я невольно (наверное, это от природы) всегда торопился и спешил, даже когда в этом не было никакой необходимости. Следствием этого недостатка было то, что я не мог, как и сейчас, в глубокой старости, ходить медленно и почти всегда, выходя на волю, начинал шагать быстро как бы автоматически. (Хорошо еще, что в данное время в моем старческом возрасте позволяет это делать сердце и способны на это ноги.) Приходилось нередко себя сознательно «притормаживать».

Все решения, как и сейчас в старости, принимал быстро, не откладывал дело на очень большой срок. При этом не мог чувствовать себя спокойно до тех пор, пока дело не сделано. Порою бывали присущи мне детское лихачество и проявления авантюризма. Был характерен и повышенный эгоизм.

Был и остался человеком вспыльчивым, легко возбуждающимся и раздражающимся, трудно сдерживающим себя и при этом способным резко повышать свой голос и разговаривать очень громко, сам того не замечая. Нередко мог наругать собеседнику и выругаться. Но матом, применяемым в русском языке, до 1938 года не ругался, так как тогда, живя среди чувашей, в языке которых мата нет, с ним сталкивался очень мало.

С раннего детства я был лицом дисциплинированным, исполнительным, достаточно аккуратным, соблюдающим точ-

ность и всегда держащим свои слова и обещания, а также любящим во всем идеальный порядок. Бывал я и упрямым, в важных делах консервативным и делающим во многом все по-своему. Старался всегда оставаться самим собой.

Разумеется, я как личность к 1938 году еще окончательно не сформировался, и мне предстояло дальнейшее большое развитие. При этом развитию некоторых особенностей моей личности резко способствовали или, наоборот, препятствовали сложившиеся после 1938 года невообразимые мною ранее жизненные ситуации: ранняя смерть отца в 1939 году, жизнь с очень порядочным и умным соседом в кабине студенческого общежития, общение в нем с «несолидными» и «солидными» друзьями, успехи и неудачи в учебе, Великая Отечественная война, германский плен, страдания, голод, пережитые ужасы и другое. Однако очень многое из того, что сказано мною выше о себе к 1938 году, присуще мне и сейчас – в глубокой старости.

Свои черты характера, темперамент, физическое состояние, способности и другие признаки любой личности к началу юности – ко времени, когда каждого человека можно считать в основном уже состоявшимся, я описал выше подробно потому, что они позже сыграли для меня очень большую роль в последовавших жизненных обстоятельствах. И они же нередко при этих обстоятельствах оказывались единственными причинами ряда совершенных мною безрассудных или рациональных действий и поступков и моего пове-

дения вообще, и особенно – в тяжелейший период Великой Отечественной войны в 1941–1945 годах, а также частично в 1946 году и позже.

Однако я считаю, что все мои жизненные обстоятельства, действия, поступки, поведение и вся моя жизнь вообще определялись в конечном счете не мною самим, а судьбой, предначертанной всякому человеку от непостижимой для его ума Высшей – божественной силы, то есть, наверное, от Бога. По-видимому, иногда Он держит у себя на виду некоторых лишь Им избранных людей и покровительствует им. Вероятно, в их число в исключительно опасные и трудные для меня времена попадал и я, хотя всегда был и остаюсь и сейчас по существу атеистом.

Здесь же одновременно хочу отметить, что вся моя сознательная жизнь, как и у большинства людей, представляла собой комплекс удач и неудач, причем последних всегда бывало значительно больше. Очень много у меня было невезений и ошибок. То, что зависело только от меня самого, почти всегда получалось. А то хорошее или просто необходимое для меня, а дальше и для членов моей семьи, которое зависело от решения других лиц и особенно от начальства (даже самого ничтожного), достигалось либо с величайшими муками, либо не достигалось совсем. Даже получение простейшей справки о чем-либо от какого-либо бюрократа было для меня большой проблемой. Особенно не везло мне в обеспечении себя хорошей работой, лучшими жилищными

условиями, достойным положением в обществе. Не везло и детям, а также милой супруге Кате, которой я так многим в жизни обязан...

Торгашеских способностей я не имел вообще, и все дела по вопросам купли и продажи были мне глубоко противны. Все достигалось у меня в основном тяжелым личным трудом. Особых милостей и поддержки от власти и государства практически никогда не было. И многое, многое проходило и получалось у меня совсем не так, как у большинства других людей.

Конечно, все трудности были связаны не только с моей судьбой, но и в большой мере со сложившимся характером моей беспокойной натуры...

И конечно, мне нередко очень не хватало ума и моментальной сообразительности в делах и поступках, и с этим большим недостатком, наверное в основном передавшимся мне от родителей и других предков, я ничего не мог поделать: глупостей в жизни, увы, было сделано великое множество...

Глава 3

Когда я был в возрасте отрока и учился в средней школе, мне еще не приходила в голову мысль о моей будущей профессии. Хотя в туманных мечтах давно грезилось, что буду писателем, так как много начитался художественной литературы, а в раннем детстве даже пытался писать стихи на родном – чувашском языке. Не исключалась и возможность стать историком. Однако с первого же дня окончания школы возникла необходимость в немедленном и окончательном выборе моей профессии, то есть высшего учебного заведения (вуза), в котором мне предстояло учиться дальше. Это был первый очень важный и ответственный шаг в жизни (второй такой же шаг для мужчины – это женитьба). Остаться же дальше только со средним образованием я не мог, да к тому же ни за что этого не допустили бы мои родители.

Выбор значительно облегчался и одновременно усложнялся тем, что я при окончании школы получил аттестат, который позволял мне поступать в любой вуз страны без вступительных экзаменов. Так что выбор был, и очень широкий.

В те дни отца – выходца из забитого и темного чувашского народа – охватила перед многими его коллегами и особенно односельчанами очень большая гордость за успешное окончание сыном средней школы и раскрывшиеся перед ним возможности. Он сразу же заявил, что я буду дальше учиться

не в чувашской столице Чебоксары, а только в столице всей страны – Москве – и только в ее самом солидном вузе, то есть в Московском государственном университете (МГУ). Кроме того, отец сказал, что моя профессия должна быть не гуманитарная, а наиболее престижная в то время – инженерная. Но тут оказалось, что МГУ не готовит инженеров, а я еще вдобавок робко возразил отцу, что хотел бы быть писателем, то есть, в современном понимании, журналистом. Отец сначала промолчал, а потом заявил: «Посмотрим, какие появятся в центральных газетах объявления о приеме студентов в московские вузы».

Начали внимательно следить за этими объявлениями. Вскоре наткнулись на объявление Московского института истории, философии и литературы (точное название его уже не помню). Я тут же подумал, что именно этот институт мне подходит. Сказал так отцу, но тот, конечно, не высказал своего одобрения, но и возражать не стал. Начали готовить документы, чтобы послать их по почте в Москву – в институт.

Через пару дней отец увидел у себя на работе другое объявление: принимаются на первый курс без вступительных экзаменов слушателями в Военно-инженерную академию им. В. В. Куйбышева гражданские лица, окончившие среднюю школу с таким же аттестатом, как у меня. Другие военные академии тогда подобных льгот гражданским лицам не давали, а со следующего года их отменила и эта академия. Отец показал мне данное объявление, и мы всей семьей сра-

зу же решили, что Военно-инженерная академия – как раз то, что мне нужно. Прельстило всех то, что академия очень престижна, платят там большую стипендию – размером, кажется, около 550 рублей в месяц на первом курсе (при нашей далеко не богатой жизни это было очень важно), слушатели носят красивую военную форму, а самое главное – молодым человеком приобретается очень хорошая инженерная специальность, обеспечивающая ему безбедную жизнь в будущем. (А того, что вскоре может разразиться война со всеми ее страшными последствиями, ни я, ни другие члены нашей семьи в то время совсем не предполагали.)

В конце июня мои заявление о приеме в академию, аттестат, автобиография (она заканчивалась словами: «Среди родственников лиц, служивших в Белой армии, раскулаченных, лишенных права голоса, осужденных, находящихся под судом и следствием, не было и нет»), справку, рекомендации, а также три заверенные Батыревским сельским советом фотокарточки размером 9 на 12 см (со значком ПВХО на пиджачке) были уже отправлены почтой ценным письмом в Москву по указанному адресу. И мы с нетерпением стали ждать ответа.

То, что я собираюсь поступать в академию, естественно, сразу же стало известно очень многим, да мы и сами вовсе этого не скрывали. Но, наверное, все же нам не следовало действовать очень открыто, так как это, как оказалось чуть позже, послужило чуть ли не единственной причиной того,

что меня все-таки не приняли в то учебное заведение, о чем ниже скажу особо.

Пока мы стали ждать ответа из академии, мои родители дали нашей деревенской портнихе Головинской заказ пошить мне из обратных сторон кусков распоротого мамой великоватого тогда для меня отцовского шерстяного костюма, который отец носил редко в молодости, новый, коричневато-серый пиджак с черными клеточками. После нескольких примерок на мне пиджак был готов. Кроме того, 8 июля я впервые в своей жизни получил в районном отделении милиции однолистный, складывавшийся вдвое двухгодичный паспорт без фотокарточки. В это же время родители написали в Москву проживавшей в ней, кажется, с 1925 года бывшей жительнице нашей деревни и их ученице Смирновой Агафье (Гале, как она позже стала себя называть) Егоровне письмо с просьбой приютить меня в ее квартире на несколько дней, когда я прибуду в столицу. Та сразу же (в то время письма из Москвы доходили до нас даже за двое суток) ответила положительно, написав подробно, как доехать к ней на метро. Было решено, что в Москве я не буду тревожить дедушку – маминого отца Матвея, находившегося там же до осени на заработках вместе с другими земляками – односельчанами.

В один из первых дней третьей декады июля, наконец, пришло из академии на мое имя официальное, напечатанное типографским шрифтом, письмо – вызов, в котором мне

предлагалось прибыть за свой счет в учебное заведение точно к указанному сроку для оформления слушателем.

В субботу 23 июля я выехал из Батырева автобусом на железнодорожную станцию Канаш (бывшие Шихраны) и часа через полтора был уже там.

Тогда та станция, о которой еще и поныне существует поговорка на русском языке с некоторым горьким (конечно, не без причины) смыслом «Станция Канаш – начальник станции чуваш», представляла собой окрашенное в грязно-желтый цвет длинное одноэтажное деревянное здание. Оно всегда бывало забито пассажирами и другими лицами, одетыми в основном в обычную простую и национальную чувашскую (главным образом женщины) одежду. И было в нем очень шумно, душно и грязно. Воздух был спертым. У билетной кассы, как правило, никогда не было должного порядка, образовывалась большая толчея, лезли к окошку кассира без очереди, и нередко возникали драки. Обыкновенному пассажиру купить билет на поезд дальнего следования было исключительно тяжело. В основном это было связано с тем, что станция была для Москвы и других городов не конечной, и поезда только проходили через нее с вагонами, заполненными пассажирами где-то уже заранее. Кстати, кажется, с 1939 года на станции Канаш организовали предварительную продажу билетов на поезд № 65 Казань – Москва, но и это не гарантировало того, что можно будет сесть в указанный на билете вагон или на поезд вообще. Из-за всего этого я до

сих пор с ужасом вспоминаю те времена, когда приходилось уезжать поездом из Канаша в Москву (а ехать оттуда в Канаш было несравнимо легче). Очень не люблю эту станцию и сейчас.

В тот день в Канаше, не сдав чемоданчик в камеру хранения и даже не пообедав в местной столовой вопреки совету родителей, давших мне с собой около 400 рублей денег (из них примерно 100 рублей находилось в нагрудном кармане пиджака, а 300 рублей мама предварительно зашила изнутри заплаткой к моей нательной рубашке, чтобы «все деньги сразу не украли»), я до вечера провел время на станции и возле нее. Затем, около 19 часов, как мне рекомендовали родители, разыскал дежурного по станции, показал ему письмо из академии, и тот помог мне, как «непростому военному», немедленно и без очереди приобрести за 35 рублей билет категории «сидячий плацкарт» для посадки на поезд номер 65 Казань – Москва, который должен был прибыть примерно через 1,5 часа. Билет мой был самый дешевый – только для сидения, хотя я мог купить и более дорогой – плацкартный для лежания.

Когда поезд прибыл, я спокойно подошел к своему общему вагону, вошел в него, предъявив проводнику билет, нашел предназначенное мне нижнее место и уселся на нем, перекинувшись несколькими словами с соседями. Затем слегка поужинал своим харчем всухую и взобрался вместе с чемоданчиком на самую верхнюю – третью (багажную) жест-

кую полку и там, конечно, без какой-либо постели, положив перед головой чемоданчик, ручку которого почти постоянно удерживал рукой, чтобы его не увели, улегся спать. Однако спать пришлось только урывками и очень беспокойно: всю ночь боялся, как бы не стащили чемоданчик. Кроме того, было очень жарко и душно и мучила мысль о предстоявшей первой встрече с незнакомой Москвой.

Во время пути, разумеется, несколько раз мне приходилось, как и всем, бегать в туалет в конце вагона, и в этих случаях я просил кого-либо из «солидных» соседей приглядеть за своим чемоданчиком или оставлял его без присмотра, постоянно оглядываясь назад и спеша как можно скорее закончить свое туалетное «дело».

Хотя наш поезд назывался скорым, он по сравнению с современными поездами шел медленнее, чаще и дольше останавливался на станциях. Дорога от моей станции до Москвы заняла время около 16 часов.

Примерно в 16 часов 30 минут в воскресенье 24 июля 1938 года я впервые появился в Москве. Не буду описывать, какие впечатления я тогда испытал. Уж конечно, я в то время не мог себе даже представить, что прибыл в этот город по существу навсегда и что дальше именно он станет окончательно моим родным домом и в нем проведу я основную часть своей жизни, получив высшее образование и специальность, создав нормальную семью и работая по своей профессии...

Первым особенно бросившимся в глаза объектом в

Москве по выходе из Казанского вокзала оказался... впервые же увиденный мною электропоезд – электричка, медленно двигавшийся по рельсам на железнодорожной насыпи поперек Каланчевской (тогда Комсомольской) площади. Дальше, вышагивая с чемоданчиком в руке рядом с вокзалом и постоянно оглядываясь вокруг, я нашел вход на станцию метро «Комсомольская», о которой писала в своем письме в деревню тетя Галя Смирнова, и здесь сразу же увидел газетно-журнальный киоск, а в нем – подробную карту-план города Москвы. И в этом киоске я сделал первую московскую покупку – приобрел ту карту. По карте уточнил, что к тете следует ехать на метро до станции «Сокольники», минуя только одну станцию – «Красносельская».

Дом тети Гали оказался угловым, старым, деревянным, двухэтажным, выкрашенным в темно-желтый цвет зданием. Его короткая сторона выходила на улицу Стромынка, неся на себе щиток с надписью номера дома 4, а длинная (вместе с двумя окнами комнаты тети) – на улицу 4-ю Сокольническую. Все тыльные стороны дома (вместе с третьим окном той же комнаты) выходили во двор и в направлении сада, примыкавшего к стадиону возле клуба имени Русакова. Во дворе находился и общий для всех квартир и обоих этажей выгребной туалет. По обеим улицам возле дома ходили трамваи. В начале 50-х годов этот дом снесли и на его месте построили потом другое двухэтажное, но стеклянное синего цвета здание, где разместилась парикмахерская типа ателье

или салона...

И здесь, поскольку тетя Галя, которая фактически вовсе не была нашей родственницей, сыграла в моей жизни определенную положительную роль, я не могу не сказать хотя бы очень кратко об этой личности. Родилась она в 1906 году. В 1918 году ее отца Егора расстреляли красные по представлению комбедовцев якобы за укрывательство «излишков» хлеба. В возрасте примерно 20 лет, полуграмотная и не знавшая русского языка, она приехала как-то на заработки в Москву, где через некоторое время ее познакомили с проживавшей в упомянутом доме очень старой и больной женщиной, которая уже не могла обслуживать себя. Галя надолго стала для нее няней, и, когда та женщина умерла, ее комната по воле покойной досталась моей землячке. Вскоре Галя привела к себе какого-то жениха, перевезла постепенно в свою комнату из родной деревни сначала младшего брата Ивана, а затем младшую сестру Аню и среднюю – очень добрую по характеру Машу. Родила девочку, но супруг ушел, вероятно не смирившись с возникшей необычно большой теснотой в комнате, а также с тем, что она, кроме того, превратилась по существу в общежитие для многих приезжавших в Москву Галиных земляков, которых та очень привечала.

За несколько дней до моего появления шестилетняя девочка у Гали умерла, из-за чего она сильно горевала. До этого Галя устроилась работать проводницей на железной дороге и обслуживала вагоны на поездах главным образом очень

дальнего (в частности, до Владивостока) следования. Вступила в ВКП(б) и до конца своей жизни была активным членом этой партии. В дальнейшем в годы войны у Гали появился другой муж – очень хороший русский человек Миша, которого мы звали дядей. Детей у супругов не было.

После сноса старого дома на Стромынке Галя с обеими сестрами и племянником – сыном Ани Валерием – дважды получала новую квартиру. 11 декабря 1984 года она умерла, и по ее особому желанию я принимал участие в ее похоронах. Вечный покой она обрела на Митинском кладбище, где с ней находятся вместе и обе сестры и племянник. Там же недалеко от их могил лежит брат Иван. Теперь из наиболее близких родных тети Гали, кажется, не живет в Москве никто.

Я появился 24 июля у тети Гали неожиданно и очень некстати: только что перед моим приходом она справила поминки по своей умершей недавно дочери. Однако все же тетья меня приняла хорошо и очень обрадовалась, когда я вручил ей родительский подарок – банку свежего деревенского меда. Мы со всей большой компанией пообедали и заодно поужинали (при этом от спиртного я решительно отказался).

Утром мы все проснулись очень рано от грохота проезжавшего первого трамвая, умылись водой из ведра при помощи кружки, привели себя в порядок, позавтракали с чаем и белым хлебом, и каждый отправился по своим делам. Тетью я предупредил, что, возможно, возвращусь к ней назад

«в случае чего», получил от нее на то согласие и, взяв с собой чемоданчик, отправился в академию. Доехал на метро до станции «Кировская» (ныне «Чистые пруды»), вышел на Чистопрудный бульвар и, ориентируясь по плану Москвы, который дальше постоянно держал при себе сложенным в кармане пиджака, дошел до здания академии, расположенного на Покровском бульваре. При входе в здание предъявил охране письмо – вызов из академии и паспорт, после чего мне выписали пропуск для пребывания в ней несколько дней, и я пришел в комнату приемной комиссии.

В казарме мне показали мою кровать, я положил под нее свой чемоданчик, подремал на ней примерно полчаса (так как ночью спал плохо), и после этого меня потревожили появившиеся два солидных соседа – старшие лейтенанты, носившие на петлицах своих гимнастеров по три темно-красных квадрата – кубика, как тогда эти знаки отличия называли. Оба они устроились на своих кроватях, и мы познакомились. Оказалось, что соседи тоже поступают в академию и что завтра им предстоит собеседование в 14 часов. Я спросил, не ошибка ли это, поскольку мне назначили эту процедуру на 10 часов. Они ответили, что не ошибаются, так как этот срок только что сообщил им секретарь. И тут я подумал, что срок собеседования могли перенести и что соседи, наверное, правы. А о том, что даты собеседования для гражданских и военных абитуриентов (кстати, этого слова мы в те времена и не слышали), а также вообще могут быть различ-

ными, я не догадался. Не сообразил и сбегать снова к секретарю и уточнить свой срок.

Соседи сильно усомнились в возможности приема меня в академию из-за моего еще мальчишеского состояния. Но я решил им показать, что не лыком шит: когда вместе стали выходить из помещения, я увидел в зале турник, залез на него и продемонстрировал на нем упражнение «склепка», чем их очень удивил. Затем мы сходили по-малому в общеказарменный туалет, вышли в город, и я отделился от соседей. И так я впервые и самостоятельно отправился гулять по незнакомым улицам Москвы, пользуясь ее картой – планом.

Прошел пешком назад снова Покровский и Чистопрудный бульвары, прошагал остаток улицы Кирова (ныне Мясницкую) и вышел на площадь Дзержинского (Лубянку). Здесь подошел к памятнику Ивану Федорову, посетил подвальный туалет, в котором бабка за пяточок продавала входные билеты, отрывая их с рулончика, подвешенного ниткой на шее, и оказался на Охотном ряду. Отсюда, не доходя до гостиницы «Москва», по узкому проходу вышел на улицу 25 Октября (ныне Никольская) и пришел на Красную площадь, о чем давно мечтал. Увидел здесь потрясающие церковь Василия Блаженного, кремлевские стены, Спасскую башню с часами, Мавзолей Ленина с двумя часовыми у входа, Исторический музей и здание нынешнего Главного универсального магазина (ГУМа), в котором тогда не торговали ничем. Затем вышел на Манежную площадь и посмотрел,

как там рабочие разбирают и нагружают на грузовые автомашины остатки взорванного ранее дома, располагавшегося перед гостиницей «Москва» и Историческим музеем. Увидел также убираемые руины от всех взорванных и сносившихся домов на правой стороне улицы Горького (Тверской) от ее начала и несколько дальше места здания Моссовета (это здание тогда только что передвинули поперек на нынешнее место и, кажется, достраивали сверху еще на два этажа). Миновал гостиницу «Центральная» и добрался до Пушкинской площади, где памятник великому поэту стоял слева у начала Тверского бульвара, а по соседству со зданием «Известий» находился очень уютный кинотеатр «Центральный»...

Утром следующего дня после завтрака в буфете вместе с соседями я снова долго походил по Москве. Затем вернулся в казарму, пообедал в столовой академии и вместе с соседями же к 14 часам пришел в комнату приемной комиссии, где представился секретарю. Тот удивился и сразу задал мне вопрос, почему я не пришел на собеседование к 10 часам утра.

Затем он попросил меня приблизиться к нему головой поближе, что я и сделал, и после этого почти шепотом сказал мне в ухо, что собеседование, на которое я не явился в положенное время – в 10 часов, для меня уже совершенно не нужно, так как вчера сразу после моего ухода от него ему пришлось добавить в папку с моими документами только что пришедшее в адрес академии очень плохое для меня письмо с моей родины, касающееся прошлого моего отца. Поэтому у

меня практически нет шансов быть принятым в данное высшее военное учебное заведение. Я не стал дальше что-либо говорить капитану, догадавшись, что в том письме наверняка сообщается о пребывании отца в Белой армии и что это письмо – дело рук одного местного недоброжелателя нашей семьи, которого не буду называть, чтобы не обидеть его потомков.

Секретарь одновременно посоветовал мне сейчас же забрать у него мои документы и, не теряя времени, отнести их в любой московский гражданский вуз, куда я захочу и который меня с удовольствием и сразу же примет на учебу. Конечно, я сильно огорчился, но делать было нечего. Поэтому, тихо поблагодарив за совет капитана, взял от него вынутые им из папки с моим личным делом нужные мне документы и вложил их в другую – пустую папку, которую, достав из своего шкафа, дал мне тот же капитан, хотя об этом я его и не просил. Затем я попрощался с секретарем и ушел от него, унося папку со своими документами...

Я имел право еще раз переночевать в казарме академии, но мне стало не по себе, и поэтому, сдав постель дежурному по казарме, а также пропуск на выходе из здания, зашагал прочь от него с чемоданчиком и папкой с документами. Так бесславно закончилась моя попытка стать профессиональным военным. И уже через три года стало ясно, что случившееся обернулось для меня только благом, так как в противном случае я мог, без сомнения, погибнуть в надвигавшейся

войне. Слава богу, что тогда все так со мной случилось!..

Глава 4

Подавленный и растерянный, добрал я до станции метро «Кировская» и вдруг у входа в нее, на месте, где сейчас стоит памятник А. С. Грибоедову, увидел рекламный щит с объявлениями о приеме в вузы. Среди них сразу бросилось в глаза объявление Московского института стали (МИС) имени И. В. Сталина, которое меня очень заинтересовало. Во-первых, мне понравилось само название института, содержащее в себе очень романтичное тогда для молодежи слово «сталь», а также то, что носило это учебное заведение имя «великого вождя», происходящее от того же слова и полностью ему созвучное. Во-вторых, в объявлении перечислялись удивительные, еще неведомые мне после окончания института инженерные специальности различных отраслей черной металлургии и указывались широкие перспективы для инженеров-металлургов. В-третьих, этот институт, без сомнения, понравился бы моему отцу.

И тут я, не раздумывая дальше, сразу принял твердое и окончательное решение поступить учиться только в Институт стали, поскольку он и очень интересен, и очень престижен. Кроме того, как я дальше подумал, на родине это резко повысит перед всеми земляками авторитет моих родителей.

Мое настроение вновь поднялось. Крепко запомнив адрес института (Большая Калужская улица, дом номер 14), решил

немедленно поехать в него с документами, но время уже было позднее, и пришлось отложить поездку на завтра.

27 июля, рано утром, взяв с собой только папку с документами и карту – план Москвы, отправился в Институт стали. Сначала доехал на метро до станции «Парк культуры», а потом перешел пешком по поразившему меня своей необычностью Крымскому мосту Москву-реку и оказался на Калужской площади. Отсюда прибыл к институту, но было еще рано и пришлось постоять и походить, ожидая впуска в здание и обзвывая все вокруг. Обошел Калужскую площадь, застроенную в основном старинными желтыми двухэтажными домами и где у начала улицы Большая Якиманка находилась аптека и стояла большая бывшая церковь, в которой был устроен кинотеатр «Авангард», куда я позже часто ходил. Сразу обратил внимание на установленный над куполом церкви огромный рекламный щит, на котором было написано: «Всеμ попробовать пора бы, как нежны и вкусны крабы» и изображена банка с этим деликатесом с надписью Chatka на английском языке. А дальше над другим зданием был щит с изображением веселого малыша на фоне также видимой издалека надписи: «А я ем повидло и джем». (Позже, став студентом вуза, я однажды только из любопытства купил для опробования банку консервов с крабами, но их безвкусное и совсем нежирное белое мясо мне совсем не понравилось. Кстати, эти консервы были очень дешевыми, потому, вероятно, и была на них реклама. Однако повидло и особенно

джем, продававшиеся в то время в закрытых металлической крышкой граненых стеклянных стаканах с цилиндрической верхней частью, все употребляли с удовольствием и в большом количестве.)

Часам к девяти у институтского входа, который тогда находился не в солидном предбаннике, пристроенном в поздние годы к зданию с его торца, а с внутренней стороны последнего (к Горному институту), собрались несколько абитуриентов с чемоданами и сумками. Эти молодые люди не имели такого аттестата, как у меня, и поэтому были вынуждены с 1 августа сдавать вступительные экзамены.

Вскоре всех впустили в здание. На втором этаже в аудитории приемной комиссии мы заняли очередь к одному из ее работников – жгучему брюнету (а им был, как я узнал потом, доцент Неверов, читавший студентам треть его курса курс лекций «Топливо и его сжигание» и позже начавший ходить в сильно изогнутом положении из-за хронического радикулита).

Я отдал Неверову свой аттестат, автобиографию и справки, сказав, что хочу поступить в институт. Он заставил меня написать соответствующее заявление и, заметив, что мой аттестат дает мне право поступать в любой вуз без вступительных экзаменов, повел меня к группе отдельно сидевших лиц, которые, предложив мне сесть, начали со мной беседу. При этом особенно отличался солидный шатен, одоббивший мое решение поступить в институт и порекомендовавший мне

выбрать специальность сталеплавыльщика, с чем я, не раздумывая, согласился. Оказалось, что тем человеком был директор института М. Л. Королев, которого вскоре сменил в должности Н. М. Суровой – небольшого роста брюнет, бывший тогда секретарем партийной организации института и также участвовавший в беседе со мной.

Оба собеседника заявили, что я уже могу считать себя принятым в институт на металлургический факультет, и пожелали успехов.

Мне пожали руку и сказали, чтобы я вернулся без опоздания к началу учебного года. Я тоже, как мог, поблагодарил сотрудников приемной комиссии и спросил у них напоследок, какую же стипендию в институте платят. Было сказано, что на первом курсе стипендия составляет 110 рублей в месяц (а на эти деньги худо-бедно, но все же можно было тогда жить), а на других курсах она выше и на пятом курсе достигает чуть ли не 200 рублей в месяц. А студентам, имеющим отличные оценки, платят еще дополнительно. Будет предоставлено хорошее общежитие. Студенческий билет обещали выдать 1 сентября.

Вскоре, побывав, с целью ознакомления, на всех пяти этажах института, я покинул его стены и, радостный, поехал на Стромынку. И так все мои важнейшие дела в Москве с неплохим результатом завершились, я был счастлив, и таким образом началась фактически в этом городе моя юность. Теперь мне предстояло кратковременное возвращение домой

с доброй вестью для дорогих родителей, братьев, сестры и других родных и близких...

Но рано утром 29 августа я снова был в Москве. Переночевав накануне в квартире тети Гали, позавтракав и оставив у ней до вечера чемодан, я отправился с деньгами, паспортом, комсомольским билетом и письмом о зачислении меня студентом в Институт стали в свое учебное заведение. Здесь, у входа в здание уже собралась с вещами и без них большая толпа «старых» и только что поступивших на учебу студентов и студенток. Они ожидали открытия входа. Пока это происходило, я сразу разговорился и познакомился с такими же, как сам, молодыми студентами – бывшими выпускниками Шаховской средней школы Московской области, которые понравились мне с первого же взгляда.

Это были Паша (Павел Иванович) Галкин, Арсик (Арсений Дмитриевич) Беспехотный, Дима (Дмитрий Васильевич) Филиппов и Вася (не помню отчества) Рябков. И случилось так, что дальше эти ребята (кроме Васи, погибшего позже на войне) стали для меня как в студенческое время, так и к концу жизни самыми близкими друзьями. С двумя, еще живыми, я продолжаю общаться и поныне (правда, уже редко – только по телефону по случаю больших праздников или дней рождения)...

Здесь же отмечу, что всем этим товарищам не суждено было окончить Институт стали и стать инженерами-металлургами. Им, кроме погибшего рано Васи, пришлось стать

профессиональными военными: на четвертом-пятом курсах учебы в МИС, который осенью 1941 года эвакуировался в Сталинск (ныне Новокузнецк), их взяли учиться на инженерные факультеты, находившиеся также в эвакуации военных академий – Пашу и Арсика – артиллерийской (в Самарканде), а Диму – в военно-воздушной им. Жуковского. Они окончили свои академии только после войны, и им фактически посчастливилось не принять в ней участия. В дальнейшем они несли военную службу лишь в мирное время и закончили ее со званиями: Паша – генерал-лейтенанта (в последние годы он был референтом главнокомандующего советскими войсками в Германии), Арсик – инженер-полковника и доцента (с ученой степенью, как и я, кандидата технических наук), а Дима – инженер-подполковника.

Арсик преподавал в Высшем артиллерийском училище в Пензе и написал множество статей и учебники по артиллерийскому металловедению и термической обработке различных металлических материалов. В начале 50-х годов, будучи молодым офицером, он участвовал за Южным Уралом в крупных военных учениях с широким применением ядерного оружия и был при этом облучен, из-за чего последние десятки лет прожил, только принимая ежедневно очень дефицитные специальные таблетки.

Аналогичным образом стали крупными военными инженерами многие мои институтские друзья: Афонин Владимир Павлович, Захаров Николай Михайлович, Иванов Владимир

Данилович (умер от инфаркта прямо на улице в 1995 году), Полухин Иван Иванович, Сорокин Юрий Николаевич, Володин Николай Иванович, Молчанов Евгений Иванович, Смирнов Николай Григорьевич и еще кое-кто. Конечно, в отличие от меня, почти все эти друзья, прослужив в армии офицерами и уйдя из нее с высокими воинскими званиями, обеспечили себе, своим детям и даже внукам неплохие материальные условия жизни – хорошие квартиры и дачи и получают теперь высокие военные пенсии. Я, наверное, тоже мог бы стать таким же, как они, если бы эвакуировался вместе с ними с институтом в тот страшный октябрь 1941 года и не ушел бы в то время добровольно в армию. Но судьба распорядилась мною иначе...

...Войдя в здание института, мы сразу же устремились к тому месту, где были вывешены списки принятых на учебу студентов первого курса, и нашли в этих списках свои фамилии и инициалы, факультеты и группы. Я оказался в списке группы С-38-5, в названии которой буква «С» означала «сталь», цифра «38» – год приема и «5» – номер группы. Затем мы получили в бывшей приемной комиссии уже заготовленные заранее студенческие билеты и ордера на вселение в студенческое общежитие. Мне и моим новым четверем знакомым дали ордера на проживание в «привилегированном» общежитии Дом-ком муна, называемом, однако, почти всеми иначе – Дом коммуны. Он располагался относительно недалеко от института по адресу 2-й Донской проезд, дом

номер 9.

Глава 5

Что же представляло собой студенческое общежитие Дом коммуны? Я считаю для себя обязательным хотя бы кратко описать его и жизнь в нем, так как провел этом доме шесть лет (три года до войны и три – после нее), которые были самыми лучшими и счастливыми за всю мою жизнь. Кроме того, я из него ушел на войну и в него же возвратился после ее окончания – осенью 1946 года. Помимо этого, мне сейчас очень жаль, что в том оригинальном виде, каким он был до 1941 года, Дом коммуны уже давно не существует: его полностью перестроили изнутри, и сейчас он фактически не функционирует как студенческое общежитие.

Дом коммуны был построен в 1930–1933 годах по проекту архитектора профессора И. С. Николаева (1901–1979) в стиле конструктивизма, архитектурные принципы которого сформулированы французским архитектором Ш. Е. Ле Корбюзье (1887–1965). В этом доме впервые в отечественной практике были применены стальной и железобетонный каркасы, безбалочные перекрытия, горизонтальные окна, верхний свет, свободный план, установка здания на столбах, плоская кровля.

Дом коммуны выполнен в виде единого комплекса из двух не разделенных друг от друга продольных и двух поперечных зданий и одноэтажной продольной пристройки. Сверху дом

несколько напоминает искаженную русскую букву Н.

Из всех четырех зданий основным жилым (и вообще основным) зданием во всем студенческом общежитии было левое продольное, состоящее из семи этажей. Все основное жилое здание вместе с его Северным и Южным корпусами имеет длину 200 метров, а ширину – лишь 7 метров. В Северном корпусе при мне жили студенты и некоторые аспиранты МИС, а Южный корпус принадлежал в основном Московскому институту цветных металлов и золота (МИЦМиЗ) и частично МГИ. Для данного здания особенно оригинальным было то, что весь его Южный корпус стоял с шагами по 6,5 метра на открытых квадратных железобетонных колоннах-столбах шириной 40 см и высотой от 2 до 2,5 метра (разница в метраже вызвана наклоном поверхности грунта на юг под обоими корпусами). При этом все столбы стояли только двумя рядами. Под корпусом могли свободно проходить люди и проезжать автомашины.

В полуподвальном этаже Северного корпуса, под которым столбов не было, находились медицинский пункт и различные склады. Кроме того, как я сам лишь слышал в то время об этом, здесь же был устроен тир для стрельбы из малокалиберных винтовок. В настоящее время все открытое пространство между столбами под Южным корпусом застроено и столбов уже совсем не видно.

На всех семи этажах Северного и Южного корпусов был предусмотрен посредине один общий длинный – 200-метро-

вый узкий коридор шириной 1,5 и высотой около 2,2 метра. Между обоими корпусами входил в этот коридор на всех этажах перпендикулярно к нему боковой (не коридорного типа) проход из вспомогательного – большого поперечного здания длиной 45 и шириной 12 метров.

И в Северном и в Южном корпусах располагались по обеим сторонам узкого коридора очень маленькие жилые комнаты – кабины, длина, ширина и высота которых составляли лишь по 2,5 метра. Их дверь открывалась при помощи ручки, как в купе железнодорожных вагонов, то есть не наружу или внутрь, а в сторону. (Кстати, механизм такого открывания и закрывания нередко давал сбой – дверь с катками сходила с направляющих, и тогда возникала для обитателей кабины очень большая проблема.) Слева сверху все двери имели английский замок, ключи от которого имелись у каждого жильца.

Окна кабин во всем основном жилом здании имели высоту 50 см, а ширину – равную ширине всей кабины. Поэтому издали на улице все окна вместе на доме выглядели (выглядят так же и сейчас) как сплошные узкие щели между этажами по всей общей длине Северного и Южного корпусов. Фактически же через каждые две – четыре кабины окна отделялись друг от друга невидимыми с улицы неширокими бетонными или кирпичными стойками, поддерживавшими снизу расположенные выше продольные стены этажей дома. Все окна были с двойными рамами, благодаря чему в

кабине не было сильно холодно зимой, а между их наружным и внутренним стеклами можно было в прохладное или холодное время хранить продукты. Каждая рама окна в кабине состояла из трех секций, среднюю из которых, снабженную ручкой, можно было перемещать влево или вправо, осуществляя таким образом открывание или закрывание окна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.